

УДК 1 (091)

CIVITAS DEI КАК ПЕРВЫЙ ПРОЕКТ «СБОРКИ» СОВЕРШЕННОГО ОБЩЕСТВА

С.В. Рассадин

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь.

Статья посвящена историко-философскому рассмотрению основных идей и понятий, формировавших представление об обществе в ранне-христианской мысли. Автор эксплицирует основные дискурсивные механизмы, служившие выработке нового понимания феномена «социальное», разрабатывавшиеся путём соединения воззрений античных мыслителей и иудео-христианской традиции. Определяются условия и причины «сборки» *ordo amoris* – христианской модели «социума».

Ключевые слова: *общество, ordo amoris, социальные дискурсы, Цицерон, Августин.*

Интеграция новых онтологических, аксиологических и социальных представлений в наличные модели, как правило, осуществляется через их соединение с уже имеющимися близкими или сходными взглядами. Так, например, как показывает анализ, предпринятый ещё в начале XX в. Вячеславом Ивановым, восприятие идеи воскресшего Бога в лице Иисуса Христа в греческой культуре происходило через близкий и понятный грекам образ умирающего и воскресающего бога Диониса (книги исследователя «Эллинская религия страдающего бога» (1904) [3], «Дионис и прадионисийство» (1921)[2]). Каким образом, в таком случае, осуществлялась сборка христианского «социального», при крайне сложной и неоднозначной картине греческого «социального» и практически полном отсутствии рефлексии «социального» в раннехристианских текстах?

Монотеистическая онтология, удваивая мир (первичную реальность), закономерно приводит к трансформации дискурсов, описывающих мир социальный. Иудео-христианская модель бытия обуславливает крайне сложную рефлексивную работу по «вписыванию» земной социальной организации (несовершенной, по определению) в потенциально двухмерную картину «социального», включённую в ещё более широкую картину существования целостного «тварного» мира. Последний также нуждается в упорядочивании, что делает задачу определения «социального» менее значимой и второстепенной (по крайней мере, до возникновения серьёзных социальных конфликтов внутри самого христианского сообщества). Онтологическая избранность человека, его двухчастность и соответствующая сопричастность миру животных и миру небесных существ, предложенная в иудео-христианской модели, делает антропологический дискурс более значимым, свидетельством чему яв-

ляется наличие целого ряда работ ранних христианских мыслителей, посвящённых осмыслению человека: «Об устройении человека» Григория Нисского, «О природе человека» Немесия Эмесского и др.

Императивы «тварности» (созданности) человека и человечества в целом и одновременно выделенности, избранности одного народа (уже в рамках иудаизма в талмудической литературе создаётся представление об особом статусе «общины/народа Израиля»), фундированного правильным выбором Бога и поклонением Ему, в отличие от других народов, либо полностью забывших о Боге, либо предавшихся греху, создают амбивалентную основу для конструирования «социального».

В противовес греческим представлениям о «социальном», не содержащим идеи целостного общества/человечества и настроенным на выявление тонких различий в человеческих группах (возможно, за исключением Стои, впервые сквозь призму этики «человека вообще» попытавшейся еще очень негромко проговорить идею человеческого общества – *societas humana*), иудео-христианская онтология не только потенциально объединяет всё человечество общим происхождением, но и задаёт две принципиально новые перспективы постижения «социального». Во-первых, у «социального» изоморфно двум планам бытия возникает «вертикальное» измерение, позволяющее включать в сферу «социальной рефлексии» и обитателей мира горнего, что, в сочетании с линейным видением истории, потенциально расширяет её до пределов всего когда-либо бывшего и будущего человечества от Адама и Евы до поколения Страшного суда. Это нововведение отмечает немецкий философ Ханс Блюменберг, утверждая, что «земного не существовало, пока не существовало неземного; нечто, на существование чего не претендует посюсторонний мир, ставится им под сомнение, что с точки зрения логики одновременно дает возможность утвердиться этому миру как таковому» [8, s. 248]. Во-вторых, «социальному» впервые задаётся проектный характер. Изначальная упорядоченность творения и противоположная ей реальность мира дольнего, заданная как первородным грехом, так и слабостью человеческой индивидуальной природы, детерминируют формально рекуррентное движение по восстановлению утраченного социального порядка, что выражается в постоянно уточняющемся проекте формирования «совершенного» или «правильного» общества. Эту перспективу постоянного переосмысления человека и общества и универсума в Средневековье подчеркивает российская исследовательница С.С. Неретина: «Представив мир как Божье творение, которое является именно и только личностным произведением, Средневековье перестроило отношения между субъектом-Творцом мира и субъектом, сотворенным по образу и подобию Творца, поскольку сотворенный субъект, обладая в силу акта сотворения способностью творить, должен обладать свободой воли наряду с предопределенностью. Эта новая парадоксальная ситуация заставляла открывать новые связи между вещами и словами, их обозначающими, между людьми»

ми, между людьми и государством, по-новому оформляя универсум, его прежнее оформление казалось хаосом, из которого должен был родиться порядок. И этот порядок становился новым хаосом всякий раз, как изменялась мыслящая голова» [5, с. 14].

Генезис раннехристианского социального дискурса действительно осуществлялся в крайне сложных реалиях поздней Римской империи (III–V вв. н.э.), в изначально враждебном окружении и при практически полном отсутствии концептуального аппарата, способного к принципиально новой «сборке» еще не существующего «социального порядка».

Использование имевшихся греческих и латинских понятий раннехристианскими мыслителями в готовом виде было неприемлемо, изобретение новых – невозможно, в силу чего, как подчеркивает С.С. Неретина, «все понятия античной философии были переосмыслены христианством. Относительно многих определений было сказано, что это “придуманно” (Бл. Августин)» [5, с. 13].

Фундаментальное новшество христианской социальной мысли – равенство людей по происхождению – радикально отторгло как греко-римскую традицию социально дифференциации по принципу «свобода–рабство», так и иудейскую установку богоизбранности Народа Израиля. Петер Козловски в ставшей хрестоматийной книге «Общество и государство. Неизбежный дуализм» (1982) фиксирует этот факт: «Явление Святого Духа означает выход за пределы иудаизма, церковь начинает “говорить на всех языках”. Вместо Божьего Царства избранного еврейского народа возникает церковь, становящаяся открытой для иудеев и язычников, для всех наций и национальностей, универсальной церковью <...> святым домом для всех народов, защитницей и представительницей Царства Божьего на земле. Христианская община уже не ориентирована на ожидание конца мира, но обретает институциональный характер» [4, с. 58].

Онтологическое единство людей, которые относятся к одному множеству сущностей, с единым, по крайней мере, в идеале бытийственным статусом в сотворённом мире обуславливает выбор ключевой категории нового социального дискурса. Слово *Ordo*, ставшее данной категорией, имело в Древнем Риме несколько взаимосвязанных значений. Во-первых, *Ordo* означало «ряд», «шеренгу», т. е. принцип правильного распределения мужчин в воинском строю и сражении. Во-вторых, *Ordo* – «сословие», «слой», «разряд», т. е. правильное устройство власти через определение статуса индивидуума. В-третьих, имелось более абстрактное толкование данного слова, как «порядок», «правильный ход», «правильное устройство» мироздания. В всех случаях *Ordo* – это то, что требует определённых действий по поддержанию и сохранению, а, чаще, приведению наличного недостаточно законченного состояния к заранее помысленному и, в силу этого, идеальному. Именно таким образом это слово использовалось в творчестве поздних римских

писателей, с его помощью перевели на латинский язык послания апостола Павла, установившие основные социальные нормы христиан, оно стало ключевым концептом социальных представлений западной патристики и прежде всего, Августина Блаженного.

Рецепция предшествующих христианской мысли социальных идей в основном осуществлялась из творчества автора эталонных уже в позднем Риме, как и в Средневековье, текстов Марка Туллия Цицерона (106 – 43 г. до н.э.) и, прежде всего, сочинения «О государстве» («De Re publica», 54–51 г. до н.э.). В данном тексте определяется взаимосвязь важнейших для «сборки» римского «социального» понятий «человека» (Homo) – «народа» (populus) – «государства» (res publica). Цицерон достаточно легко расстаётся с ключевой для всех греков социальной дихотомией «эллина–варвары», фиксируя её языковой характер и переводя анализ на этико-правовой уровень: «Если, как утверждают греки, все люди – либо греки, либо варвары, то он (Ромул. – *C.P.*), пожалуй, был царем варваров; если же такое имя следует давать на основании нравов, а не на основании языка, то я не думаю, чтобы греки были варварами в меньшей степени, чем римляне» [6, с. 27]. Римский мыслитель «снимает» все существующие различия между людьми, придавая всем людям общие свойства разума, речи и «врожденную потребность жить вместе» [6, с. 20]. Благодаря последнему естественным образом возникает человеческое сообщество: «Ибо человек не склонен к обособленному существованию и уединенному скитанию, но создан для того, чтобы даже при изобилии всего необходимого не... [удаляться от подобных себе]» [там же]. Последнее, правда, ещё не создаёт «народа», поскольку, по Цицерону, существуют интегральные свойства populus: «народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов» [там же]. Столь же естественным образом, благодаря наличию закона («закон есть связующее звено гражданского общества» [там же, с. 24]) возникает и государство, которое, по сути, является формой существования общества: «Итак, государство (res publica) есть достояние народа (res populi)» [там же, с. 20].

Откровенно редуцированное представление Цицерона о «социальном» дополняется им принципиально значимым для последующей христианской мысли рассуждением о посмертном вознаграждении защитников государства, изложенным в шестой книге труда «О государстве». Представляя собой вымышленное сновидение римского военачальника Сципиона Эмилиана, «Сон Сципиона» предопределяет функцию социального/государственного строительства как важнейшую для человека: «...всем тем, кто сохранил отечество, помог ему, расширил его пределы, назначено определённое место на небе, чтобы они жили там вечно, испытывая блаженство. Ибо ничто так не угодно высшему божеству, правящему всем миром,— во всяком случае, всем происхо-

дящим на земле,— как собрания и объединения людей, связанные правом и называемые государствами; их правители и охранители, отсюда отправившись, сюда же и возвращаются» [там же, с. 83]. Создание и сохранение социального порядка (*ordo*), отвечающего порядку Неба, – основной императив учения Цицерона об обществе.

Базовое единство социума, наличие предзаданного онтологического порядка и посмертное воздаяние заслуживших спасение людей – принципы Цицерона, активно используемые в процессе создания первого христианского учения о «социальном» Августином Блаженным. Изложенное в фундаментальном сочинении «О граде Божьем» (лат. *De Civitate Dei*, 413–427 гг.) учение объединяет всю античную философскую традицию и раннехристианскую мысль. При этом Августин, описывая человеческое сообщество, принципиально не приемлет политическое измерение человека у Аристотеля и Цицерона и задаёт новое измерение «социального». Естественное и, в силу этого, истинное состояние для человека – это его пребывание в сообществе верующих (*congregatio baptizatorum* или церкви) как высшей социальной реальности. Тем самым Августин конципирует новое понимание социального порядка – *Ordo amoris* (порядок любви). В рамках *ordo amoris* благодаря всеохватывающей любви к Богу, по Августину, исчезают все социальные различия, связанные с национальной, государственной или какой-либо иной принадлежностью: «небесный град, пока он находится в земном странствовании, призывает граждан из всех народов и набирает странствующее общество во всех языках, не придавая значения тому, что есть различного в нравах, законах и учреждениях, которыми мир земной устанавливается или поддерживается; ничего из последнего не отменяя и не разрушая, а напротив, сохраняя и соблюдая все, что хотя у разных народов и различно, но направляется к одной и той же цели земного мира, если только не препятствует религии, которая учит почитанию единого высочайшего и истинного Бога» [12, с. 1038]. Как отмечает П. Козловски: «В любви к Богу снимается антиномия индивидуальной и социальной природы, неодухотворенности и духовности, устраняется раздвоенность и отчуждение человека от самого себя. Во всеохватывающем порядке любви (*ordo amoris*) не может существовать никакого противоречия между своим и чужим интересом, поскольку устремления и интересы индивидов объединяются в любви к Богу» [4, с. 73]. Чистая любовь к Богу, *amor Dei*, по мнению Августина, может осуществляться только в церкви, которая и является наличным, несомненно, не полноценным, отражением Града Божьего – *Civitas Dei* на земле.

Список литературы

1. Августин Бл. О граде Божьем. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. 1296 с.

2. Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство. Фрагменты книги // Эсхил. Трагедии / в переводе Вячеслава Иванова. М.: «Наука», 1989. С. 351–451.
3. Иванов Вяч. Эллинская религия страдающего бога. Фрагменты верстки книги 1917 г., погибшей при пожаре в доме Сабашниковых в Москве // Эсхил. Трагедии / в переводе Вячеслава Иванова. М.: «Наука», 1989. С. 307–350.
4. Козловски П. Общество и государство. Неизбежный дуализм. М.: Республика, 1998. 368 с.
5. Неретина С.С. Возможности понимания // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): В 2 т. Т. 1 / Под ред. С. С. Неретиной; сост. С. С. Неретиной, Л. В. Бурлака. СПб.: РХГИ, 2001. 539 с. С. 5–18.
6. Цицерон М.Т. О государстве // Диалоги. М.: Издательство «Наука», 1966. С. 7–88.
7. Blumenberg H. «Säkularisation», Kritik einer Kategorie historischer Illegitimität // Kuhn H., Wiedmann F. (Hrsg.). Die Philosophie und die Frage nach dem Fortschritt. München, 1964.

CIVITAS DEI AS THE FIRST IDEAL SOCIETY "CONSTRUCTION" PROJECT

S.V. Rassadin

Tver State Technical University, Tver

The article examines in the history of philosophy perspective the ideas and concepts portraying the ideal society in the early Christian thought. The author reveals the prevailing discursive machinery that led to the formation of the new understanding of the «social» phenomenon produced in the way of synthesis of the Antiquity thinkers heritage and the Judeo-Christian tradition. Thus, the basic conditions and causes of the *ordo amoris* – Christian pattern of conceiving the «social order» are uncovered.

Keywords: *society, ordo amoris, social discourses, Cicero, St. Augustine.*

Об авторе:

РАССАДИН Сергей Валентинович – кандидат философских наук, доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: s_r08@mail.ru.

RASSADIN Sergei Valentinovich – Ph.D., Assoc. Professor, Department of psychology and philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: s_r08@mail.ru.